

Василий Караваев

ГОА

Исповедь психоделической устрицы

Василий Караваев.

Гоа. Исповедь психоделической устрицы.

Оформление и дизайн : Ольга Филатова

Корректоры: Татьяна Лапистова

Ольга Катлитская

Иллюстратор: Maria Jee

Тираж 500 экс.

Мой электронный адрес: vasiliykaravaev@mail.ru

На севере индийского штата Гоа живет обычный русский парень Василий Караваев. У него красавица жена, умница дочка и свой ресторан на берегу океана, где за 100 рупий можно попробовать пирожное с гашишем и запить его настоящим квасом. Вася и его друзья считают себя че геваррами от психоделики и помогают своим согражданам – настоящим дауншифтерам и «двухнедельным турикам» – совершить «квантовый скачок» в сознании. Но Васино затянувшееся путешествие по благодатной Индии, где время «густое, как кисель», а желания имеют свойство материализовываться, постепенно оборачивается бэд-трипом...

Книга-крик, книга-исповедь, книга-хроника жизни Гоа за последние 10 лет параллельно разворачивает перед нами два повествования о земле обетованной – найденной и потерянной. В одном Вася проходит трансформацию из бизнесмена в психоделического исследователя, а в другом он сидит в гоанской тюрьме. Это «сказ» о том, как «рай без ада незаметно может стать адом», интересный не только целой галерее персонажей, принимавших непосредственное участие в описанных событиях, но и новому поколению психоделических джедаев, готовых учиться на ошибках своих предшественников.

*Посвящается
моей дочери
Василине.*

ГЛАВА 1. Часть первая. В тюрьме.

Я медленно убираю с лица свои пахнувшие устрицами ладони. Открываю глаза. Чёрт!!!! Это не сон – реальность не меняется. От десяти до двадцати... Фраза отдаётся глухим эхом в моих висках. От десяти до двадцати лет тюрьмы! Нет, этого не может быть, меня должны отсюда вытащить! Вот она, оказывается, какая – моя первая ночь в тюрьме. Никогда в жизни мне ещё не доводилось попадать за решётку. Нужно выспаться и попробовать поесть. Железная тарелка с рисом, политым гороховым отваром, не вызывает ни малейшего аппетита. Облезлая рыжая кошка залезает через зарешёченное окно, нюхает мою лежащую на полу еду, брезгливо отворачивает, удаляется искать что-нибудь съедобное. Ужасно хочется курить, хоть я и бросил эту привычку уже добрых лет десять назад. Огромная серая крыса, выныривает из норы в углу камеры, не спеша пробегает через всю комнату, и, махнув мне на прощание мерзким хвостом, скрывается за дверью в туалете.

Что я здесь делаю? Это какой-то страшный сон, от которого нужно поскорее проснуться. Боже, какая дикая жара стоит в это время года! По ощущениям – не менее ста градусов. Каждое лёгкое дуновение из окна приносит почти оргазмическое удовольствие. Уверен, что со стороны выгляжу, как животное в клетке. Не хватает только таблички под окном с надписью: «Большая белая обезьяна. Обитает в странах с холодным климатом. В неволе не размножается». Для такого небольшого экземпляра как я, клетка довольно просторная. Десять шагов в ширину и четыре в длину. Вместо двери – железная решётка.

Последний зоопарк, который я видел, был в Бангкоке, выглядел он намного чище и там не было такой пронзительной вони из туалета. Неужели у них здесь такие большие апартаменты для каждого заключённого? Как же я сейчас понимаю животных, ходящих целыми днями из стороны в сторону в своих маленьких зоотюрьмах. Сидеть на месте просто невозможно. Вот уже четыре часа я, не останавливаясь, хожу по кругу в своей камере. Ловлю на себе равнодушный взгляд охранника: он с минуту уже стоит в дверях и

наблюдает за тем, как я, с перекошенным от злобы лицом, нарезаю круги по своему каменному мешку.

– Эй ты, я пить хочу. Где вы тут берёте питьевую воду?

Охранник, улыбнувшись, протягивает мне через решётку старую пустую пластиковую бутылку, и молча показывает на дверь в туалет. Беру бутылку, брезгливо толкаю грязную дверь одним пальцем и замираю от увиденного, не решаясь войти внутрь. Никогда не думал, что придётся пить воду в таких условиях. А до воды ещё нужно добраться... Весь пол, покрытый слоем слизи, мочи и дерьма, плавно сливается со стенами. Я не могу заставить себя зайти туда босиком.

– Эй, охранник, дай мне хотя бы мою обувь, я всё-таки не животное, мне до крана с водой дойти нужно.

Охранник, снова улыбаясь, бросает сквозь решётку мои тапочки.

– После туалета вернёшь обувь назад, а то я больше не буду давать, – с улыбкой отвечает молодой парень, облокотившись на длинное старое ружьё со штыком.

Что же у него с лицом? Он, наверное, всегда улыбается – и это успокаивает. Хорошо хоть не бьют, пусть лучше всегда улыбаются.

Прорвавшись по слою зеленовато-коричневой слизи к ржавому крану с водой, я, наконец-то, испытываю первую радость. Вода!!! Тёплая жидкость, текущая тонкой струйкой из грязного крана, ужасно пахнет хлоркой. Надеюсь, мне недолго придётся её здесь пить... Меня должны отсюда вытащить. У меня тысяча друзей, и они, наверняка, скоро что-нибудь придумают. А сейчас нужно чем-то заняться. Бездействие просто сводит с ума. Как же хочется курить! Наверняка, кто-то из арестантов должен был здесь занюхать курево, или, хотя бы, припрятать бычок. Кривой бетонный пол в камере не подметали, наверное, лет двести. В углу под кучей мусора больше всего шансов что-нибудь найти. Расшвыряв старые пакеты и скомканные клочки грязных газет, я вижу подозрительно аккуратно свёрнутый комок туалетной бумаги. Надеюсь, что какой-нибудь шутник не положил туда кусок какого-нибудь дерьма. Опасаясь подхватить заразу, я осторожно, двумя пальцами, разворачиваю грязный сверток и обнаруживаю три пожелтевшие от времени и сырости сигареты и пять спичек. Есть!!! Мне снова везёт!!! Сигареты, судя по их цвету, лежат здесь уже не один месяц. О Создатель, благослови того человека, что заботливо сделал когда-то эту заначку! Радости добавляет садящееся солнце, но накалённый за день бетон не спешит расставаться с жаром. Хочется просунуть го-

лову сквозь решётку и дышать уличным воздухом, который немного прохладнее, чем в камере. Новая «засада»: комары. Свет лампы манит их, как магнит. В камере их тысячи, а может быть, уже и целый миллион. Рубашка и шорты полностью мокрые от пота. Комары, чувствуя запах моего пота, облепляют всё свободное от одежды тело. Одним ударом ладони, в любом месте тела, я сразу убиваю несколько кровопийц. Не хотелось бы подцепить до кучи ещё и малярию, которую, кстати, не каждый способен пережить. Не рискуя обмахиваться газетой, я закуриваю первую трофейную сигарету. Обжигающий кислотоватый дым дешёвого индийского табака производит на меня эффект затяжки гашишем. Лёгкое головокружение и резкая слабость во всём теле заставляют меня откинуться на пол, и на мгновение забыть о неприятностях. Как бы хотелось сейчас заснуть. Улыбающийся охранник, увидев, что я лежу на полу, молча швыряет мне через решётку стопку старых газет. Видимо, теперь это моё постельное бельё, а пластиковая бутылка с водой будет за место подушки. Одна газета – матрас, другая – покрывало. Обмотав голову и шею газетами, я какое-то время лёжа слушаю, как комары роем жужжат возле уха, ища щели, чтобы пробраться к заветной цели. Вряд ли у меня получится заснуть в таких условиях... Но уставшее сознание не выдерживает, и мне удаётся провалиться на несколько секунд в глубокий сон-воспоминание, где я, пятнадцатилетним пацаном уехав за Волгу на рыбалку, пытаюсь уснуть в шалаше, кишасим комарами. Комары из моего сна пробуждают меня окончательно. Смотрю в потолок. Липкая жара и комары уже не так парят, постепенно уступают место другому покою: мой воспаленный мозг непрестанно ищет решения проблемы. Работая с чудовищной скоростью и ничтожными результатами, он начинает перегреваться. «Нужно что-то делать, нужно что-то делать», – эта фраза пульсирует в голове и заставляет моё сознание метаться в поисках выхода из ситуации. Электрическим током бьёт по всей моей жизни брошенная ментом фраза: «Всё, теперь тебе светит от десяти до двадцати».

Что я здесь делаю? Этого не должно было быть, это какое-то недоразумение, какая-то случайность, несправедливость... Как же жёстко меня подставили. Жгучая ярость переполняет меня, заставляя все тело напрягаться, словно сжатая пружина. Нужно походить по камере и попробовать сконцентрироваться на дыхании, это должно помочь моему бедному сознанию. Если ходить очень быстро, то эти чёртовы москиты не будут успевать на меня при-

земляться. На какое-то время одной проблемой становится меньше. Тысячи комаров серым нудящим облаком преследуют меня, пытаюсь вонзиться в моё тело на ходу.

Где же я совершил ошибку? Почему я здесь? Мозг снова начинает повторять, словно заезженная пластинка: «Нужно что-то делать, нужно что-то делать, нужно-нужно-нужно». В первую очередь нужны деньги, – потому что они всегда всё решают. Где бы взять денег? Последние мои пять штук баксов забрали мусора. Нужно как-то срочно связаться с женой, пусть как можно скорее продаёт нашу квартиру. Интересно, когда мне разрешат сделать первый телефонный звонок? И что же я скажу своей семье? «Извините мои дорогие, но теперь вы переедете из трёхкомнатной квартиры в однокомнатную». Какой же я мудака. Ну, что же поделаешь... Я, хоть и мудака, но всё-таки я ещё живой. Будем считать, что просто пришло время расстаться со своей недвижимостью, которую я считал последним оплотом. Наверное, это давно нужно было сделать, может и не сидел бы сейчас здесь. Когда же это всё началось? Когда же я сделал тот неверный шаг, что привёл меня сюда? Дымков. Эта фамилия первой всплывает в моей памяти. Возможно, всё началось именно с него. Может быть раньше, может быть позже, но именно его образ сейчас всплывает из моей памяти, как ответ на вопрос «почему я сейчас здесь?». Наверное, всё-таки вся эта история началась с него. Этот человек, случайно повстречавшийся мне, сильно повлиял на моё отношение к жизни, если не сказать, что вся моя жизнь кардинально изменилась после знакомства с ним.

ГЛАВА 1. Часть вторая. На воле.

Если не углубляться в детали причин и следствий, то можно предположить, что бэдлак¹, в последствии переросший в огромный ком неприятностей, начал зарождаться незадолго до моего знакомства с Дымковым, где то в середине девяностых. Времена политических перемен подходили к своему завершению, но мы об этом ещё не догадывались. Тогда для меня жизнь только начиналась. Деньги зарабатывались легко и непринуждённо, благодаря чему мои будни были переполнены всевозможными удовольствиями. А их хотелось всё больше и разнообразнее, и поэтому относительно

¹Бэдлак – плохая удача, или просто отсутствие её.

лёгкое зарабатывание денег тоже приносило огромное удовольствие. Я был обычным мелким предпринимателем в большом, но провинциальном городе. Таких, как я, было полстраны, живущих и выживающих за счёт собственной инициативы. За несколько лет «перестройки» я, занимаясь челночным бизнесом, поднял свой оборот с абсолютного нуля до четверти миллиона долларов. Деньги постоянно во что-то вкладывались и делали новые деньги. Чем только в то время я не занимался! Я торговал всем, чем было возможно, предоставлял согражданам различного вида услуги, короче занимался я, по мелочи, всем, чем позволял мне закон. Всю свою сознательную жизнь я считал себя законопослушным гражданином. Моё законопослушание базировалось не на страхе получить наказание, а на воспитании и нравственных идеалах, которые я получил от моих интеллигентных родителей. Мама, была модельером одежды и привила мне с детства хороший вкус, а отец, проработавший всю жизнь инженером на заводе, научил меня, как жить в этом мире при помощи головы и рук. И, хотя моё детство проходило в рабочих кварталах города, я был воспитан на принципах добропорядочности и законопослушности.

В самом разгаре была середина девяностых двадцатого столетия. В видео прокате только что прошёл фильм Квентина Тарантино «От заката до рассвета». Я, так же как и тысячи других молодых людей, заражённых быстро распространяющимся по всей стране вирусом свободы, тоже захотел иметь татуировку, как у главного героя культового в то время фильма. Так как обладать нестирающимся рисунком, покрывающим полтела, оказалось делом накладным, я, в целях экономии, открыл первый в моём городе татуировочный салон. Арендовал небольшое помещение, отремонтировал его своими силами, пригласил на работу двух мастеров-татуировщиков и стал татуироваться сам, ожидая первых посетителей.

Небольшого роста, одетый в байкерскую кожаную «косуху», Дымков появился в моём салоне и, недолго раздумывая, решил первым из моих клиентов сделать себе татуировку. В очках с большими линзами и с длинными тёмными волосами, стянутыми на затылке резинкой, он напоминал переросшего своё время неформала-рокера «доперестроечного» периода. Тогда он работал мастером по ремонту часов в маленькой конторе и имел уйму свободного времени, которое тратил на своё любимое занятие – музыку. Он играл на гитаре в маленькой, никому не известной рок-группе, коллекционировал записи «Машины времени» и «Битлз», и даже

писал критику для музыкальных журналов на свежес выпущенные пластинки. В тот год он сделал себе татуировку на плече в виде «пацифика» на фоне маленького земного шара. Объединённые одной любовью к рок-музыке, мотоциклам и татуировкам, мы быстро подружились, и несколько лет чудно проводили время вместе, в окружении девушек, алкоголя и марихуаны². Это были весёлые деньки. Легкодоступные девушки стайками толпились вокруг тату-салона, алкашка лилась рекой, а марихуана и деньги никогда не кончались.

Беззаботно пролетели несколько лет, и вот Дымкову в наследство от мамы досталась интересная работа. В советские времена она работала при госфилармонии и привозила в город всевозможных звёзд отечественной эстрады. Дымков бросил работу часовщика и стал известным в городе человеком с модной профессией «продюсер». Я к тому времени продал свой татуировочный салон друзьям, но с Дымковым мы продолжали общаться. Регулярно встречались мы с ним на наших еженедельных вылазках по проституткам. Наши жёны были старше нас почти на десять лет, и это нас с Дымковым роднило. Наши любимые были умнее нас. Они были образованные, предприимчивые, самодостаточные и, соответственно, мало нас волновали как сексуальные объекты. Может быть, мы были слабыми любовниками, не способными превратить наших жён в горячих, «всёвременнонажелающих» богинь, а может, перегруженные карьерой и бытом организмы наших женщин не вырабатывали столько сексуальности, сколько хотелось нам. И поэтому пару раз в неделю мы с Дымковым регулярно выезжали по проституткам. Проститутки нас объединяли.

Медленно, но верно приближался конец эры «перестройки». Оборот с моих магазинов турецко-итальянской одежды всё ещё был порядка четверти миллиона долларов, но я этих денег уже практически не видел. Ежемесячно оплачивались различные огромные бизнес-расходы, налоги, арендные платы, и мне на личную жизнь оставалось от прибыли не более штуки баксов в месяц. Нужно было что-то делать. Мой мозг, привыкший плескаться на волнах удовольствия, продолжал требовать новых ощущений. К тому времени я развёлся с первой женой, купил себе мотоцикл и стал жить жизнью российского байкера. Летом я путешествовал по

²Марихуана – она же ганджа, каннабис, конопля, трава, или называемая в нашей стране анаша.

всей стране, а зимой проводил время в рок-баре, тратя деньги на крепкие напитки и легкодоступных женщин. Мой бизнес был налажен так, что работал я всего пару часов в день, объезжая мои магазины и собирая деньги. Свободного времени у меня была целая куча. В отличие от меня, Дымков всё реже и реже находил свободное время, которое он мог потратить на себя.

Времена неподконтрольных «продюсеров-фрилансеров» заканчивались, и Дымкова взяла «под крыло» крупная, преуспевающая корпорация. Ему дали должность директора ночного клуба при «Культурно развлекательном центре», и свой кабинет, в котором мы и собирались вечерами, чтобы выкурить по косячку. Офис охранялся службой безопасности, и мы могли спокойно накуриваться, зная, что никто нас не побеспокоит. Там-то я и познакомился с одним из владельцев этой корпорации, которого мы за глаза с почтением и страхом называли «Сам». «Сам» к тому моменту бросил распространенную и пагубную привычку ежедневно напиваться и не на шутку увлёкся борьбой с окружающим его повсеместным пьянством. Его стараниями весь штат топ-менеджеров и обычных управленцев в его корпорации был непьющим. Но боролся он с пьянством своим путём, тем, которым он сам смог когда-то соскочить с ужасной привычки опохмеляться с утра. Ещё до «перестройки», когда становление первичного капитала, как и у всех тогдашних бизнесменов, было делом незаконным, он, с компанией своих друзей, дурачил своих сограждан, крутя напёрстки на автомобильном рынке. Работа была нервной, и приходилось много выпивать. Нужно было пить с бандитами, нужно было пить с ментами, по-другому не получалось. Проходили годы, мы менялись. Отойдя от полукриминальных дел, он сконцентрировался на легальном бизнесе. Удачно пошло производство пластиковых окон, затем стали открываться автомобильные салоны, удалось заполучить довольно крупную долю «Автоваза». За бесценно были выкуплены несколько крупных заводов и фабрик по всей стране. Бывшая советская промышленность почти вся была в полуразваленном состоянии, и везде было беспробудное пьянство. Пил как простой народ, так и верхушка власти во главе с президентом страны. Пили везде, и пили много. Тогда-то ему – «Самому», владельцу уже огромной корпорации – и пришла в голову идея пересадить всю его управляющую верхушку с алкоголя на марихуану. Сам он, когда-то попробовав эту чудо-траву – коноплю, сумел побороть «зеленого змия». Нет, он не стал закупать тоннами марихуану, он

вообще не прикасался к драг-бизнесу. Он просто своим примером показал, что можно не пить, работать и наслаждаться жизнью. Умеренно покуривая марихуану, у него получалось и заниматься большими делами, и вести относительно здоровый образ жизни. Он был прекрасным примером удачливого бизнесмена, умеющего жить со вкусом. Той осенью в русском журнале «Форбс», пишущем о самых богатых людях, была опубликована статья о самой влиятельной корпорации года, где «Сам» в интервью заявил, что он первый легальный долларовый миллиардер в нашем городе. Я же в то время, чтобы не быть зависимым от драг-дилеров, выращивал у себя на балконе под лампами разные сорта гидропонной марихуаны. Её мне хватало от урожая до урожая – накуриваться самому и угощать всех своих друзей. Каждые два месяца я собирал новый урожай, и мы дегустировали его в кабинете у Дымкова, обсуждая преимущества и недостатки новых голландских сортов. Иногда на наши дегустации приезжал «Сам». Он почти всегда был немногословен и всегда занят какими-нибудь делами. Покури с нами, он высказывал свою оценку траве, и, обсудив с Дымковым клубный бизнес, обычно максимум через час, уезжал по своим делам в сопровождении вооружённых телохранителей. В один из таких вечеров мне домой позвонил Дымков и сообщил, что нужно срочно приехать, потому что у него есть ко мне очень интересная «тема». Дел у меня никаких не было, и поэтому, прихватив шишечку «Белой вдовы»³, я через пятнадцать минут был у него в кабинете. В офисе, помимо него, была ещё пара моих друзей, ценителей хорошей травы, которые, развалившись на диване, наблюдали за Дымковым. Первым делом, Дымков собрал косяк из папиросы, и, пустив его по кругу, начал взволнованно рассказывать.

– Представляешь, Вася, час назад я курил с «Самим»...

– Что же, Дымков, не представить, ты каждый день с ним куришь, – хотел было я пошутить, воспользовавшись паузой, во время которой он сделал большую затяжку.

– Да послушай ты, Вася, и не перебивай, – оборвал меня Дымков, передавая мне косяк, – Знаешь, что задумал «Сам»?

– Даже боюсь представить, – улыбаясь, ответил я, и выпустил струю ароматного дыма, – Неужто «Сам» в президенты задумал?

– Эх, Вася, если бы... Приехал вчера «Сам» с какой то официальной городской пьянки, где собрался весь городской истэблшмент.

³Белая вдова – очень крепкий сорт голландской марихуаны.

Говорит, что как обычно все напились до чертей, и он весь вечер, как дурак, вынужден был слушать бред полковников и бизнесменов, превратившихся за несколько часов в пьяных животных. Говорит, что даже не мог отойти покурить, опасаясь быть неправильно понятым.

– Ну и?... – перебил его я, будучи заинтригованным началом рассказа.

– Так вот, «Сам» решил легалайз марихуаны продвинуть. Он когда это сказал, Вась, у меня чуть косяк изо рта не выпал. Не зная его, я бы подумал, что это шутка, но «Сам» ни когда не бросает слов на ветер.

– И с чего же он решил начать? – с иронией спросил я, не воспринимая всерьёз его рассказ.

– А хочет он, Вась, для начала изменить отношение к марихуане в обществе. Хочет, чтобы всё как в Европе было. Чтобы к курящему «травку» общество относилось, как к нормальному человеку, а не как к конченному наркоману. Так вот, Вась, выделяет он сейчас деньги на любой проект, который произведёт изменения отношения общества к марихуане. До тебя, Вась, здесь был Илья Бич, так вот «Сам» выделил ему десять штук баксов, чтобы тот отправился в Амстердам и снял десятиминутный документальный фильм о ежегодном фестивале марихуаны, и об отношении общества к курящим ганджу.

– Да, неплохо было бы прокатиться на недельку в Амстердам на «Канабис-кап»⁴, – с завистью в голосе сказал я, представив себя в кофе-шопе на улице красных фонарей.

– А кто тебе, Вася, мешает это сделать? И вообще, что ты можешь сделать для лигалайза? – сделал серьёзное лицо, сказал Дымков, изображая агит-плакат времён Великой Отечественной войны.

– Ты же знаешь, Дымков, я – барыга, я могу организовать продажу всего, чего угодно, но наркотиками и не проси торговать не буду.

– А кто тебя, Вась, просит продавать наркотики? Придумай что-нибудь. Для чего ты кочан на плечах носишь?

На секунду задумавшись, я почувствовал, что меня словно ударило током.

– Слушай, Дымков, я тут недавно новые сорта семян голландской марихуаны по Интернету заказывал, и случайно заходил на

⁴Канабис-кап – ежегодный голландский фестиваль марихуаны.

очень интересную ссылку. Одна московская фирма предлагает оптовым покупателям одежду из конопли, «Хэмп» называется.

– Вот, Вася, это то, что нужно! – воскликнул Дымков, подскочив со своего кожаного кресла, – Сегодня же садись писать бизнес-план. Если напишешь, что окупаемость проекта три года, нам любые деньги под этот проект дадут.

Возвращаясь домой на своём джипе, я ехал на полном автопилоте, не обращая внимания на происходящее вокруг. Я был полностью поглощен новой идеей, в моей голове зарождался план новой, интересной жизни. Всю ночь я не спал. Облазил все интернет-ресурсы, связанные с «Хэмпом», посидел с калькулятором, и к утру написал предварительный бизнес-план, по которому мне нужно было семьдесят пять штук баксов. Вечером этого же дня я сидел у Дымкова в кабинете с распечатанной информацией о конопляной одежде. Моё сердце взволнованно билось в груди, потому что я ощущал себя, как минимум, Че Геварой. В тот вечер я поверил, что всё возможно в этом мире, главное – очень сильно захотеть. Дымков позвонил «Самому» и получил предварительное «добро» на бюджет. Всё завертелось так быстро и головокружительно, что через месяц, с целью набраться заморского опыта, я уже был в Амстердаме.

Гуляя по красивым голландским улочкам, я наслаждался духом европейской цивилизации. Отсутствие агрессивных и унылых рож действовало на меня опьяняюще. Дух, вкус и запах свободы чувствовался повсюду. В кофе-шопах люди легально накуривались марихуаной и гашишем, в смарт-шопах ели псилоцибиновые грибы, пейоты и другие психоактивные растения. В барах люди напивались вкусным пивом, а на улицах с красными фонарями в витринах, все абсолютно легально наслаждались продажной любовью. И, что самое удивительное, никто никому не мешал. Каждый наслаждался жизнью по-своему, стараясь не препятствовать в этом другим. Всё, что незаслуженно было запрещено в России, здесь продавалось легально или полужуегально. Уличные торговцы, продающие запрещённые наркотики, свободно предлагали всем прохожим свой товар прямо на глазах у полицейских, не опасаясь, что их арестуют. «Неужели такой уровень демократии ожидает когда-нибудь и Россию? Как сделать так, чтобы застать это при жизни, и можно ли этого добиться в ближайшее время?» – думал я, вспоминая Родину. Эти мысли не давали мне покоя ни днём, ни ночью. Перемещаясь из кофе-шопа в кофе-шоп, я обращал внимание на собирающийся в каждом заведении контингент. В некоторых местах

тусовались старые, прокуренные растаманы и негры-ямайцы. В их веровании курение марихуаны является религиозным обрядом, и поэтому к курению они всегда относятся серьёзно. Под музыку регги я любовался, как изящно растаманы крутили джойнты⁵, наполненные ямайской ганджей. Российские курители анаши, по сравнению с голландцами, у себя на родине совсем не прикладывали никаких усилий, чтобы совершить обряд курения красиво. «Односельчане» обычно забивали приготовленный микс из анаши и табака в российские папиросы, в которых привкус дешёвой бумаги перебивал ароматный дым марихуаны. Русские вообще редко использовали какие либо эстетские аксессуары, предпочитая забивать с ладошки, сидя дома, в машине или в каком-нибудь другом укромном месте, где можно было бы скрыться от взгляда милиционера. В Голландии во всем чувствовался стиль и класс – и в употреблении тоже. В некоторых кофе-шопах собирались творческие люди, там обычно был предоставлен огромный выбор марихуаны и гашиша со всего мира. Меню в таких заведениях состояло из нескольких страниц только голландских сортов травы. Внимательно принохаясь к дыму от турецкого гашиша, мы сравнивали его с марокканским, непальским, афганским, пакистанским, кашмирским, индийским и другими сортами. Каждый имел свой определённый запах, привкус и эффект. Одни сутки мы провели в андеграундном сквоте⁶ на трансовой пати, в окружении кучи интересных, творческих людей. Развалившись на старых кожаных диванах, кто-то рисовал, кто-то писал, а кто-то просто общался. Дешевизна и доступность танцевальных и интеллектуальных наркотиков ошеломляла. Везде были «клубы по интересам», где собирались люди, объединённые любовью к гандже и другим лёгким наркотикам. Вполне легально в смарт-шопах можно было купить растительные аналоги практически всех химических наркотиков. Заменители «экстази», ЛСД и прочих психоактивных препаратов продавались, стоя на одной полке вместе с галлюциногенными кактусами и псилоцибиновыми грибами. В маленьких магазинчиках, торгующих аксессуарами для употребления, мы подолгу рассматривали блестящие прилавки, «зависали», забыв про время. Весь Амстердам состоял из аккуратно ухоженных домиков, в которых жили, словно в сказке, красивые и умные эльфы. Та демократия, которую нам выдавало наше правительство, казалась теперь каким-то обманом. Наша страна представлялась теперь мне

⁵Джойнт – самодельная сигарета.

⁶Сквот – заброшенное здание, занятое фриками и хиппи.

обителю злых гоблинов, живущих в безвкусно построенных многоквартирных домах, и не приученных доброжелательно улыбаться на улице встречным людям. Сложно представить ездящий по улицам российских городов муниципальный, бесплатный велотранспорт с десятью велоприводами. Здесь же в Амстердаме я видел, как на останке сошел гражданин с дипломатом и на его место сел крутить педали другой, чтобы бесплатно доехать до своей точки назначения вместе с десятью такими же пассажирами. Каждый, не халтура, крутил свой педальный велопривод под ногами, напевая со всеми вместе какую-то весёлую голландскую песню.

Уже через месяц, сразу по возвращению в Россию, я держал в одной руке бизнес-план, подписанный «Самим», а в другой – пакет с семьюдесятью пятью тысячами долларов. Все официальные документы были оформлены на меня, потому что «Сам» отказался светить свою корпорацию в таком компрометирующем проекте, как «Хэмп», объясняя это тем, что пока ещё рано показывать силы, стоящие за «легалайзом». «Сначала нужно изменить отношение общества к курильщикам, а после – провести законным путём декриминализацию. Нужно сначала смягчить наказание за хранение небольшого количества лёгких наркотиков, а потом уже двигать легализацию марихуаны», – так объяснил мне Дымков, вручая пакет с деньгами. И, на первом этапе в этой легализации, моя задача – раскрутить одежду из конопли. «Сам» хотел, чтобы все в городе говорили об этом брэnde. Со слов Дымкова, «Сам», выделив деньги, лично взял под своё покровительство наш проект. По моему бизнес-плану большая часть бюджета должна была расходоваться на рекламу и развитие имиджа. Себя же я скромно вписал в бюджет бизнес-плана, как управляющего с окладом восемьсот баксов в месяц. Наверное, если бы мне отказались платить, то я бы согласился работать и бесплатно. Я чувствовал себя героем.

– Рискованное у нас мероприятие в плане бизнеса, – как-то сказал я Дымкову, за несколько дней до открытия магазина. – Бизнес ведь новый, предсказать, чем это всё закончится практически невозможно.

– Не ссы, Вася, прорвёмся, – ответил мне Дымков, забывая анашу прямо с папки под названием «Бизнес-план «Хэмп» в пустую папиросу, – Ты же понимаешь, Вася, проект этот не коммерческий, а больше политический. Для «Самого» это своего рода большая игрушка, и он это тоже прекрасно понимает. Знаешь, что «Сам» мне вчера сказал, когда заезжал в офис покурить? – заговорщическим голосом вдруг сказал Дымков, доставая свою любимую, вечно пахнущую бензином зажигалку «Зиппо», – Он мне, Вася, сказал, что если за три года вложенные

деньги вернутся назад в корпорацию, то «Хэмп» нам подарят. Я, Вась, может быть всю жизнь мечтал иметь свой магазинчик с уникальными товарами, а заодно и продвигать идею легализации конопли.

– Да, мы стоим на пороге больших перемен и своими руками творим историю, – ответил я Дымкову, затягиваясь густым сладковатым дымом «белой вдовы», – Может быть, когда-нибудь, первый кофе-шоп в нашей стране тоже откроем мы.

– Было бы неплохо, – улыбнувшись, добавил Дымков, разглядывая, как плотные клубы дыма, перекатываясь в воздухе, медленно ползут к открытой форточке, – Ты ведь знаешь, Вась, что первый в Амстердаме кофе-шоп⁷ был открыт русскими иммигрантами и называется он «Москва».

– Да, конечно же, знаю, – ответил я и растянулся всем лицом в улыбке, вспомнив, как в Амстердаме мы курили «АК-47»⁸ прямо на улице, напротив кофе-шопа «Москва». Нас тогда предупреждали, что курить марихуану в Голландии можно только в кофе-шопах. За курение на улице или в других общественных местах нас могли серьёзно оштрафовать. Но мы, привыкшие курить на улицах даже в России, сделали по косяку и вышли выкурить их под осенним, но всё ещё тёплым солнцем. Мы стояли, облокотившись о парапет голландского канала, куря ароматную, породистую марихуану и мечтали, что когда-нибудь будем это делать на Родине, так же легко и непринуждённо как здесь, не оглядываясь по сторонам, не боясь получить пару лет тюрьмы за один косяк. Мы тогда стояли и курили наши джойнты прямо на тротуаре, и мимо нас, на велосипедах, проехали два голландских полицейских, не обратив никакого внимания ни на нас, ни на сладкий дым, который, растекаясь по улице, вынуждал прохожих с пониманием улыбаться в нашу сторону.

– Хватит улыбаться, – вдруг сказал мне Дымков, прервав мои приятные воспоминания об этой сказочной стране, – Ты слышишь, Вася, что я тебе говорю? Нам подарят «Хэмп», если мы вернём деньги в обещанный срок, – повторил Дымков, трясая меня за плечо.

– Да, конечно же, вернём мы деньги, куда денемся. Если «Сам» поддерживает наш проект, значит, всё будет хорошо. Джа Растафарай⁹ на нашей стороне.

⁷Кофе-шоп – заведение, где продаются марихуана и её производные: гашиш, чарас, поланд и. т. п.

⁸АК-47 – Сорт марихуаны.

⁹Джа Растафарай – Пророк растафарианства. В растафарианстве курение марихуаны является частью религиозного обряда.